

ГЛАВА 3. Регионалистика как область научного знания и направление россиеведческих исследований¹

Социальные процессы всегда разворачивались не только во времени, но и в пространстве. Без понимания этого едва ли возможно раскрытие всего многообразия причинно-следственных связей. Между тем, согласно Д. С. Лихачеву, «мы часто забываем в последнее время о географическом факторе в человеческой истории»². Учет пространственных параметров требует от гуманитариев, в том числе историков, адекватного исследовательского инструментария. Точно так же, как цели систематизации событийно-временного ряда служит периодизация, упорядочение происходящего в пространстве производится посредством регионального членения. Россия с ее огромной территорией нуждается в этом особенно. Россиеведение («познание России», как говорили до революции) без сильной регионоведческой составляющей абсолютно немислимо. На судьбе регионов отражаются общие тренды развития страны, но эти последние, в свою очередь, в немалой степени формируются именно в регионах.

¹ Настоящая статья-лекция основана на наших учебных курсах, предусмотренных подготовкой магистров истории («Современные проблемы истории», «Современные проблемы изучения истории Восточной Европы», «Взаимодействие РФ со странами СНГ», «Междисциплинарные аспекты изучения советской и постсоветской истории», «Центральный регион на ментальных картах России»), а также курсе «Глобальные проблемы XX–XXI вв.», который читается в рамках программы специалитета (бакалавриата) по истории постсоветской России. Использован материал и ряда других разработанных нами курсов: «Постсоветские нарративы национальных и региональных историй (Украина, Белоруссия, Россия)», «Региональное измерение истории постсоветской России» (с участием магистра истории В. П. Крулова), «Союзники и конкуренты российского самосознания в мире идентичностей» (История коммуникаций на советском и постсоветском пространстве). Программы курсов магистратуры по направлению «История». М., 2009. Ч. 1. С. 7–21, 207–213; История России XX–XXI веков. Программы спецкурсов. М., 2006. С. 259–266.

² Лихачев Д. С. Заметки о русском. М., 1981. С. 19.

Регион понимается как относительно гомогенное пространство, которое может быть специализированным (например, экономический регион) или сложносоставным, т. е. формируемым совокупностью нескольких характеристик¹. Характеристики эти в значительной степени связаны между собой. Так, природно-географические параметры во многом задают хозяйственный тип, а историко-культурные особенности зависят от этнических. Любая физически определенная территория может интегрироваться во множество регионов-пространств. Сложносоставные регионы, как правило, имеют ту или иную регионообразующую доминанту. Понятно, что непродуктивно ожидать от региона целостности по всем мыслимым признакам. Дискуссионным остается вопрос о том, обязательными ли в их числе развитая региональная идентичность населения.

Тем не менее изучение региональной идентичности входит в программу регионоведческих исследований. В каждом конкретном случае важно определить ее место в иерархии идентичностей, в которой она сосуществует, в частности, с чувством принадлежности к этносу и государству. Гипертрофированное развитие региональной идентичности свидетельствует о кризисном состоянии других типов идентичности. Слабая ее выраженность, впрочем, тоже вовсе не является верным симптомом благополучия социума. В крайних проявлениях она способна обращаться в негативную идентичность, когда «свой» регион наделяется отрицательными чертами, решительно не выдерживая сравнения с соседями.

Особенности любого региона выявляются путем его соотнесения с иными регионами. Регионы взаимно дополняют друг друга, образуя систему, ввиду чего региональная автаркия скорее исключение, чем правило. Про это обстоятельство следует помнить при ответе на вопрос, должна ли в дефиницию региона включаться его самодостаточность.

Типология регионов производится по нескольким основаниям. Помимо характера, таковым служит масштаб региона. При этом количественные показатели могут переходить в качественные: регионы разных размеров зачастую различны и по своей природе. В начале XX в. Европейская Россия была поделена на более чем тысячу микрорегионов, основанных на торгово-промышленных особенностях. Современные японские специалисты, занятые изучением Евразии, прежде всего постсоветского пространства, активно поль-

¹ Косолапов Н. Глобализация: территориально-пространственный аспект // Мировая экономика и международные отношения (МЭиМО). 2005. № 6; Он же. Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира // Там же. 2005. № 7.

ются термином «мезорегион». Макрорегионы, как правило, наделяются цивилизационными признаками и, в свою очередь, членятся на субрегионы.

Регион может как находиться внутри государства, так и выходить за его рамки, охватывая, полностью либо частично, несколько государств и становясь даже субъектом международных отношений. Консолидации «надгосударственных» регионов способствуют региональные организации и/или гравитационное поле региональной державы. Наиболее крупным и, несмотря на известные коллизии, успешным региональным проектом признается Европейский союз. ЕС обнаруживает выраженную тенденцию к поглощению сопредельных территорий, демонстрируя способность региональной организации расширять свой регион. Пройдя балканский рубеж и бывшую границу СССР, этот мегапроект в настоящее время остановился на таких странах, как Турция и Украина. В поле зрения стратегов ЕС попали Ближний Восток и Северная Африка.

Однако и «внутренние» регионы способны поддерживать международное общение разного уровня и содержательного наполнения. Особенно эта черта выражена у приграничных регионов: сухопутные границы и даже моря не только разделяют, но и объединяют. Региональная специфика обнаруживает себя как в федеративных, так и в унитарных государствах¹.

Существует большое число понятий, производных от региона: регионализм, регионализация, региональная элита, региональная идентичность, региональная организация, региональная держава, региональная политика, региональная безопасность, региональный конфликт, регионоведение (регионалистика). Этот ряд можно еще продолжить, подтверждая тем самым высокую продуктивность регионального подхода к анализу социальных процессов².

Региональный формат исследований в гораздо большей степени отвечает требованию научной корректности, нежели внимание к национальному пространству (родственному «идеальному отечеству» — этой геополитической проекции национальной идеи), так как позволяет учитывать весь сложный баланс межэтнических отношений. Об этом особенно следует помнить в федеративной России со свойственной ей тенденцией к этнорегионализму.

Неизбежно соотнесение регионов и с таким историческим феноменом, как империя. Применительно к Новому времени можно

¹ Горизонтов Л. Е. Украина в зеркале регионалистики // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005.

² Регионы и регионализм в странах Запада и России. М., 2001.

говорить о Евразийском регионе континентальных империй (и, соответственно, империи в регионе), империях-регионах, империях-автономах. К западу от классического региона империй находились в свое время разобщенные в государственном отношении немецкий и итальянский этнические массивы, объединение которых привело к росту имперских амбиций, а на берегу Атлантики — национальные государства, строившие империи колониального типа¹.

В свете сказанного выше совершенно очевидна плодотворность обращения регионоведов к компаративистике. Второй предпосылкой успешности регионоведческих исследований можно считать применение системного анализа. Регионы образуют динамическую систему, где системообразующие функции распределены между ними неравномерно. Опыт исторического изучения России в региональном измерении убеждает в особом значении ее Центрального региона, который вовсе не тождествен столичному центру принятия властных решений, а именно такое понимание Центра является преобладающим не только в политологической, но и в исторической литературе. В имперский период Санкт-Петербург устойчиво помещался общественным сознанием за пределы Центрального региона и только после утраты столичных функций ментально «приблизился» к нему². Изучая диалектику центростремительных и центробежных процессов, регионоведы обращаются к методу моделирования.

Сложной системой видится и каждый регион в отдельности. В частности, от особенностей регионального центра (потенциала, расположения, наличия конкурентов, репутации в регионе и за его пределами) в весьма значительной мере зависит общая региональная архитектура. Известны регионы, которым свойственно связанное с ростом «вторых городов» двоецентрие. Последнее обнаруживается даже в тесных рамках административных единиц. Назовем современные пары: Вологда — Череповец, Тамбов — Мичуринск, Самара — Гольяты. В дореволюционной России яркую страницу истории Урала составило соперничество Перми и Екатеринбурга, а в Поволжье

¹ Горизонтов Л. Е. Славянские народы и империи в долгом XIX веке. Размышления о векторах исследований // Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития. Материалы всероссийского совещания. М., 2005; *Он же*. Империя в регионе, империя-регион, империя регионов // Региональна історія України. Збірник наукових статей. Киев, 2008. Вип. 2.

² Gorizontov L. The «Great Circle» of Interior Russia: Representations of the Imperial Center in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930. Bloomington, 2007. О различных смыслах Центра, в том числе о его пространственной локализации см.: Туровский Р. Ф. Центр и регионы: проблемы политико-географических отношений. М., 2006; Каспэ С. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М., 2008.

в споре за региональное лидерство принимали участие Казань, Самара, Саратов. Города жестко конкурировали между собой, борясь за учет своих интересов при строительстве железнодорожной сети и основании университетов.

В-третьих, для регионоведения принципиально важен полидисциплинарный синтез, достигаемый путем соединения данных различных наук, комплексного использования их методов и понятийного аппарата. Предметное поле регионоведения выходит даже за рамки базовых для него социальных и гуманитарных дисциплин. С феноменом региона, региональных подсистем активно работают специалисты по международным отношениям, а также геополитики, в центре внимания которых находится проблематика границ и пограничий (фронтира). Региональное измерение присутствует в политологическом и экономическом анализе. Специально следует отметить вклад эконом-географов. Диагностике регионального сознания служат данные социологии. Особое направление, предполагающее участие языковедов-этимологов, составляет изучение в исторической динамике наименований регионов.

Историческое регионоведение имеет точки соприкосновения с исторической географией, но вовсе не тождественно ей. Миссия историков в развитии регионалистики видится прежде всего в том, чтобы показать корни современных региональных процессов и поставить ретроспективное изучение регионов на солидную источниковедческую основу. Исследование отечественной истории в региональном измерении демонстрирует континуитет дореволюционной, советской и постсоветской России. Вместе с тем задача историка состоит в анализе динамики и контекста региональных процессов как в рамках переходных периодов, так и применительно к эпохам большой длительности. Не ограничиваясь, подобно культурологам, преимущественно художественными текстами, именно историки обеспечивают репрезентативность и верификацию источниковой базы исследований по исторической регионалистике. Важная ее составляющая — записки путешественников, в которых фиксируется как монотонность, повторяемость, однородность увиденного, так и их нарушение при перемещении в пространстве.

Налицо все предпосылки для участия историков в развитии такого генетически тяготеющего к культурологии направления, как ментальная (аксиологическая) география¹. Она изучает представления

о пространстве, наделение общественным сознанием локусов различными ценностными качествами, так называемые ментальные карты. Реальное и ментальное не совпадают, второе всегда служит искаженным образом первого, но все-таки это отражение, в котором для исследователя важны как механизмы искажения, так и аккумуляция адекватной информации.

Любям, отмечал Ю. М. Лотман, «свойственно особое переживание пространства: как подлинно реальное воспринимается свое, домашнее, лично знакомое и привычное пространство. По мере отдаления слабеет чувство реальности. То, о чем только слышал, воспринимается как ирреальное, хотя и существующее. Даже Петербург для большинства московских и провинциальных жителей XVIII в. был чем-то не совсем реальным... «Мы знаем, что существуют чужие земли как некоторая географическая реальность. Но *вернуть* в их существование мы начинаем, только повидав их и оставив там какие-либо дорожные или просто сильные воспоминания!».

Необходимо учитывать, что образ региона формируется как теми, кто идентифицирует себя с ним, так и носителями взгляда извне. Ментальные карты приверженцев разнообразных мировоззренческих систем, образованного общества и простонародной среды имеют не только отличия, но и черты сходства.

Феноменом ментальной географии служит широкое употребление в современном политическом лексиконе понятия «ближнее зарубежье», которое, надо сказать, несет в себе немалый конфликтный заряд, поскольку с различных позиций «близость» и «зарубежность» оцениваются отнюдь не однозначно. Не вполне соответствует «близость» и географическим реалиям: в одних случаях соседние государства воспринимаются как зарубежные без уточняющего эпитета, в других — к ближнему зарубежью относят страны, не имеющие с Российской Федерацией общей границы (Армения, бывшие среднеазиатские республики СССР).

Следуя общей логике конструктивистов, в регионах видят продукт представлений, воображаемое пространство. Иными словами, регионы оказываются сродни нациям в известной интерпретации, данной им Б. Андерсоном. Однако природа представлений о регио-

ных дней // Новое литературное обозрение. 2001. № 6; *Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб., 2003; *Родигина Н. Н.* «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX в. Новосибирск, 2006. С. 41–60.

¹ *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 234. См. также: Территориальное сознание как научная проблема. Смоленск, 2001; Культура и пространство. Славянский мир. М., 2004.

Bassin M. Imperial Visions. Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge, 1999; *Шенк Ф. Б.* Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до на-

нах, на наш взгляд, не может найти удовлетворительного объяснения в системе координат крайнего конструктивизма, и весьма полезен примордиальный антидот. Историк должен стремиться к установлению степени соответствия образов оригиналу. В противном случае исчезнет грань между реальным миром, преломлением которого являются ментальные карты, и причудливыми мирами фэнтези. Сказанное справедливо не только в отношении труда историка. Совершенно очевидно, что в любом региональном проектировании излишняя самонадеянность проектировщика чревата самыми плачевными результатами. Следует помнить и о том, что пространственные представления сами являются реальностью, которая формирует поведенческие стратегии людей, не исключая принятия ими политических решений.

Если теоретические наработки в регионоведении являются обобщением большой практики конкретных исследований, то такое направление, как «локальная история», выступает по преимуществу экстраполяцией на проблематику исторического пространства постмодернистских идей¹.

В отличие от регионоведения для краеведения характерна эмоциональная связь исследователя с изучаемым объектом («краелюбие», как это определяет С. О. Шмидт), участие в местных общественных инициативах и отсутствие жесткого профессионального ценза. Как направление научно-аналитической и экспертно-проектной деятельности профессионалов регионоведение более чем краеведение нацелено на установление связи между частью, каковой является регион, и государственным целым. Центру государства жизненно важно быть обеспеченным специалистами по всем регионам страны, тогда как краеведы, не порывая с почвой, работают в своих «краях».

Следует отметить, что с ростом наукоемкости краеведения в нем все яснее обозначается стремление к решению значимых научных проблем. Так, воронежские краеведы предложили в этой связи модель регионального краеведения, видя в нем связующее звено между микрографическим изучением местного материала и разработкой общероссийской исторической парадигмы². Тем не менее, I Всероссийский съезд историков-регионоведов (Санкт-Петербург, 2007)

¹ См. об этом направлении: Румянцева М. Ф. Новая локальная история в проблемных полях современного гуманитарного знания // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна». М., 2005.

² Акиншин А. Н., Ласунский О. Г. Региональный фактор в изучении российской истории // Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX в.: сб. науч. трудов. Воронеж, 1995. С. 204–205.

нашел все же под знаком преобладания традиционных краеведческих подходов.

Москвоведение, этот частный случай краеведения, не может ограничиться изучением мегаполиса или городской агломерации. Возможно собственно краеведчески-урбанистического ракурса важно задаться вопросом о структурируемом Московской регионе – его истории, границах и особенностях. Сформулированный еще в первой половине XIX в. тезис о регулярном расположении городов вокруг Москвы и передаче ею своих свойств обширному пространству воплотился в наблюдении о том, что по-разному воспринимаемые разными сегментами столицы имеют продолжение далеко за административными рубежами последней¹.

Краеведение, исследование российской провинции и регионоведение взаимно проникают. Обсуждается, в частности, «влияние складывающихся в течение длительных исторических периодов паттернов регионального развития, которые задают набор ограничений для политических и культурных предпочтений и изменений в том или ином регионе». При этом под «паттернами регионального развития» участниками совместного российско-германского проекта понимается «исторически формирующийся тип воспроизводства региональной идентичности»².

Судьбы регионоведения представляют интерес не только для историка науки. Становление российского регионоведения было длительным и непростым процессом. Одному из его пионеров К. П. Арсеньеву незадолго до восстания декабристов рецензент инкриминировал вторжение в сферу, являющуюся предметом исключительного ведения государства. В правительственных кругах тогда действительно велось проектирование административного деления империи на крупные регионы, лишь отчасти получившее впоследствии практическую реализацию. В документах декабристских обществ сохранилось несколько вариантов достаточно экзотического регионального членения страны. Столицу, в частности, предлагалось перенести в Нижний Новгород. Таким образом, в русле революционной мысли развивалось альтернативное регионоведение. Помимо охранителей к изучению российского пространства скептически относились те, кто видел в нем казенное однообразие присут-

¹ Вешинский Ю. Г. Оценки москвичами культурного пространства Подмоскovie // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2007. № 3. С. 71–74.

² Люхтерхандт Г., Рыженков С., Кузьмин А. Политика и культура в российской провинции. Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области. М.: СПб., 2001. С. 13.

ственных мест и полосатых будок со шлагбаумами. О том, надо ли путешествовать по России, велись споры.

Между тем Арсеньев был приближен ко двору и участвовал во второй половине 1830-х годов как в пересмотре административного деления нескольких крупных регионов империи¹, так и в сопровождении наследника престола в его ознакомительном путешествии по России. В длительные путешествия двинулись и исследователи. Чтобы облегчить сбор информации, они облачались порой в простонародные одежды и еще задолго до «хождения» народников имели трудности и со своими респондентами, и с местными властями. Ситуация несколько улучшилась с образованием Русского императорского географического общества, во главе которого был поставлен второй сын Николая I Константин: подписанные великим князем бумаги производили сильное впечатление на губернаторов, городских и полицейских чинов.

На исходе Крымской войны в возглавляемом великим князем Константином Николаевичем передовом в то время Морском министерстве возникла идея описания регионов, прилегающих к морям и крупным речным артериям. Проект вышел далеко за рамки удовлетворения ведомственных нужд и осуществлялся силами известных литераторов, в числе которых – А. Н. Островский, А. Ф. Писемский, Г. П. Данилевский и С. В. Максимов. Такого рода описания близки жанру физиологических очерков, сложившемуся в 1840-е гг. Таким образом, научное регионоведение формировалось в тесной связи с русской классической литературой и само являлось крупным историко-культурным феноменом.

Удивительно образно иллюстрировал этот параллелизм О. Э. Мандельштам. Через сто лет после пушкинского путешествия в Арзрум он отправляется в Армению и размышляет о... П. С. Палласе. «Никому, как Палласу, – пишет Мандельштам, – не удавалось снять с русского ландшафта серую пелену ямщицкой скуки. В ее мнимой однообразности, приводившей наших поэтов то в отчаяние, то в унылый восторг, он подсмотрел... богатое жизненное содержание». Мандельштам начинает фантазировать: «Вообразите спутником Палласа не кого иного, как Н. В. Гоголя. Все для него иначе. Как бы они не перегрызлись в дороге... Картина огромности России слагается у Палласа из бесконечно малых величин... В его почтовую карету

¹ Горизонтов Л. Е. В поисках внутреннего равновесия: вопрос об изменении территориально-административного деления Российской империи в 1830–40-е гг. // Петр Андреевич Зайончковский: сб. статей и воспоминаний к столетию историка М. 2008.

вприкрыты не гоголевские кони, а майские жуки. Не то муравьи едут шагом с тракта на тракт, с проселка на проселок, от чувашской деревни к винокуренному заводу, от завода – к сернистому ключу, от ключа к молочной речке, где водятся выдры»¹. Истинно гофмановский антураж придается ученому путешественнику последней трети XVIII в., участнику знаменитых академических экспедиций, ставших вехой и едва ли не стартом в научном познании России.

Показательной для руссиеведов второй половины XIX в. фигурой был С. В. Максимов, труды которого продолжали издаваться в советское и постсоветское время. Он совершал длительные путешествия по разным частям Российской империи – Русскому Северу, Сибири, Белоруссии. Максимов черпал сведения из народной толщи и писал книги для народа. Замечательные образцы описания жизни Урала оставил Д. Н. Мамин-Сибиряк².

Пореформенная цензура подозревала областничество даже в использовании географической номинации (Сибирь, Поволжье и т. д.). Кажись, что Азиатская Россия звучит гораздо безопаснее Сибири. Областничество, вылившееся в начале XX в. в интегральное течение автономизма – федерализма, бросало тень на регионоведение.

Однако все же возобладал взгляд, согласно которому необходимо культивировать связь между «малой родиной» и «отечеством» со всеми промежуточными звеньями. Синтезом краеведения, регионалистики и интегрального руссиеведения были «концентрические родиноведения», идею которых пропагандировал в 1870-е гг. сибирский областник Г. Н. Потанин, предлагавший идти в изучении от «малой родины» к большим областям, а от тех к государству в целом³.

Периоды реформ сопровождались ростом интереса к регионоведению. Власть нуждалась в специалистах по различным частям страны и привлекала их к государственной работе в качестве «сведущих людей». Развитию регионоведения способствовали колонизация и строительство железных дорог. Освоение Зауральской части империи стимулировало более дробное ее деление, выразившееся в формировании представлений о Западной и Восточной Сибири, Дальнем Востоке и Степном крае как особых регионах⁴. Благопри-

¹ Мандельштам О. Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи. Тбилиси, 1990. С. 363.

² Горизонтов Л. Е. Русский человек у порубежья Европы и Азии. По страницам уральской энциклопедии Д. Н. Мамина-Сибиряка // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2005.

³ Потанин Г. Н. Письма в пяти томах. Иркутск, 1988. Т. 2. С. 94–95, 141.

⁴ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004.

ествовавшим развитию регионоведения фоном следует также признать войны, введшиеся на территории собственной страны.

Рубеж веков стал временем расцвета отечественного регионоведения, получившего возможность оперировать огромными массивами статистических данных и методами точных наук. Размышляя о факторах государственной стабильности, Д. И. Менделеев проводил различие между географическим центром и центром народонаселения страны. По его расчетам, центр народонаселения в начале XX в. находился вблизи юго-восточной оконечности Центрального региона России и имел тенденцию к дальнейшему перемещению «по направлению к востоку, с уклоном на юг». В сближении двух центров ученому виделся залог устойчивости империи¹.

Был создан целый ряд моделей регионального строения России, и увидело свет несколько многотомных изданий, содержащих описание важнейших регионов. По подсчетам начала 1930-х гг., до революции было произведено около двадцати «теоретических опытов» районирования России². Этот багаж активно использовался в ранний советский период. Вместе с другими специалистами после революции продолжил свою научную деятельность В. П. Семенов-Тянь-Шанский — представитель славной династии российских географов, наследие которого оказалось востребованным в постсоветской России³.

В послереволюционные годы «золотое десятилетие» краеведения⁴ совпало с периодом расцвета регионоведения, и совпадение это представляется не случайным. Никогда раньше административно-территориальное деление страны не подвергалось столь радикальным изменениям, а общественная дискуссия не была столь широкой. В процессе разработки нового АД особой сложностью отличалась гармонизация соображений экономической целесообразности с императивами национальной политики⁵. Произведенное тогда экономическое районирование, крайне необходимое в условиях социалистической реконструкции и плановой экономики, в значительной мере просуществовало до конца советского периода.

¹ Менделеев Д. И. К познанию России. Седьмое издание. СПб., 1912. С. 5, 125–127, 140–142.

² Малая советская энциклопедия. М., 1932. Т. 7. С. 154.

³ Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001.

⁴ Шмидт С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество: Краеведческий альманах. М., 1990. Вып. 1.

⁵ Hirsch F. Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: London, 2005.

Не вполне корректно противопоставление национально-государственного деления советского образца дореволюционной практике образования административных единиц сугубо территориального характера. Дело в том, что, стремясь стратегически к слиянию национальных, прежде всего окраинных, регионов с остовом империи, власти в прагматических интересах управления были вынуждены обособлять их с помощью административных границ, в частности путем создания генерал-губернаторств. Временная, переходная мера сохранялась зачастую до конца существования империи. Ярким проявлением этнизации АД стало в канун Первой мировой войны учреждение и изъятие из состава Царства Польского Холмской губернии. Национальные образования советского периода, с известными оговорками, конечно, имели своих исторических предшественников.

На рубеже 1920–30-х годов и в СССР, и в эмиграции пришло время думать о неравномерности освещения различных регионов в литературных произведениях. М. Горький настаивал на том, что дореволюционная литература отражала по преимуществу реалии Центральной, даже более узко, Центрально-Черноземной, помещичьей России, и только советские писатели существенно расширили пространственный охват¹. Возможно, в этой постановке следует искать истоки скандально известной в анналах отечественного языковедения сталинской формулы начала 1950-х годов, гласившей, что в основу литературного русского языка лег «курско-орловский диалект». Эмигрировавший из СССР Г. П. Федотов в отличие от Горького подчеркивал, что еще в начале XX в. русская литература переместилась из центра на окраины страны².

На пике своего могущества Советский Союз брался за осуществление масштабных региональных программ, таких как преобразование Российского Нечерноземья, строительство БАМа, разработка нефтегазовых месторождений Западной Сибири. Было очевидно, что подобные программы должны носить комплексный, системный характер и осуществляться силами всей страны. Во многом их решение досталось в наследство правопреемнику СССР — Российской Федерации.

Регионализацию СССР накануне его распада и продолжение этого процесса в РФ связывают с ответной реакцией на жесткий со-

¹ Горький М. Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1953. Т. 25. С. 248–251, 411.

² О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 453–454.

ветский централизм. Однако изображать советские области и республики как сугубо ориентированные, в противоположность современным российским, на государственную интеграцию довольно рискованно. Местнические тенденции и тогда приводили, в частности, к вопиющей разлаженности дорожно-транспортной инфраструктуры. Эконом-географами замечено, что стыки административно-территориальных единиц наименее освоены и, как следствие, обладают большим экологическим потенциалом, что в современных условиях воспринимается как позитив¹.

В период резкой поляризации политических сил и нарастания национальных конфликтов демократическая оппозиция на I Съезде народных депутатов СССР избрала для себя в 1989 г. наименование «Межрегиональной депутатской группы» — как представляется В. Л. Шейнису, «нарочито нейтральное, лишенное политической окраски»². Помощник М. С. Горбачева в середине 1991 г. по достоинству оценил региональный фактор, обратившись к дореволюционному опыту. «Единство России, — записал он в своем дневнике под впечатлением от неэффективных действий союзного руководства, — держалось на самодержавии губернаторов-наместников, т. е. на регионализме и на казачестве. И то и другое являло собой сугубо русское имперское начало целостности государства»³.

В 1990–1992 годах в России возникли межрегиональные (по сути, региональные) ассоциации экономического взаимодействия субъектов РФ, создаваемые на базе традиционных экономических районов советского времени. Межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия не были проектом центральной власти — союзной или российской. Они создавались по почину местных элит в условиях разрушения хозяйственных связей и падения координирующей роли Москвы, когда на повестке дня во весь рост встала чреватая социальным взрывом продовольственная проблема. Этот процесс, на наш взгляд, допустимо сравнивать с образованием больших областей в 1917–1918 годах. Как на заре власти Советов, так и при ее ликвидации Центр первоначально вынужден был поддерживать выявление крупных регионов, поскольку ничего не мог предложить взамен. Пик легитимации ас-

¹ Родоман Б. Б. Россия — административно-территориальный монстр (<http://polit.ru/lectures/2004/11/04/rodoman.html>).

² Шейнис В. Л. Взлет и падение парламента. Переломные годы в российской политике (1985–1993). М., 2005. Т. 1. С. 225.

³ Черняев А. 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. М., 1997. С. 149.

социаций пришелся на вторую половину 1998 г.: очередное экономическое потрясение побудило включить их руководителей в состав федерального правительства. Ассоциации охватывали всю территорию страны, не исключая национальных образований, и также втягивали в орбиту своей деятельности ряд территорий постсоветского зарубежья.

Введенное в 2000 г. деление России на федеральные округа вступило в определенное противоречие со сложившейся сеткой ассоциаций и вызывало критику в тех случаях, когда нарушались традиционные региональные тяготения. Примером может служить отнесение Башкортостана к Приволжскому округу, несмотря на его тяготение к Уралу. Округа поспешили сравнить с генерал-губернаторствами царской России.

Властная вертикаль большой жесткости, сформированная в 2000-е годы, не устранила регионального разнообразия¹, в том числе существования региональных режимов, о чем интересно рассказывал в телепрограмме «Реальная политика» (2005–2008) В. Л. Глазачев. Регионы бывают депрессивными, дотационными и донорскими, профицитными, служащими локомотивами модернизации, что исключительно важно учитывать при выработке стратегии регионального (пространственного) развития². Знакомство широкой аудитории с российскими регионами, не уходящее от обсуждения острых проблем, — задача, значение которой далеко выходит за рамки сугубо просветительских устремлений. Без общедоступной информации, без ликвидации закрытых для критики зон едва ли успешным будет построение гражданского общества и формирование российской идентичности.

Правда, проведенные в конце 2003 г. опросы во всех типах городских поселений страны показали, что региональная идентичность существенна всего для четверти респондентов. В иерархии идентичностей более высокие позиции занимают национальная принадлежность и историческая государственность. Социологи делают вывод о том, что «гражданское самосознание россиян достаточно унитарно. Во всяком случае... в большей степени, чем у населения Западной Европы»³.

¹ Центр и региональные идентичности в России. СПб., 2003; Иванов В. Путин и регионы. Централизация России. М., 2006.

² Типология субъектов Российской Федерации с точки зрения регионального развития. М., 2007.

³ Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа. М., 2005. С. 247–248.

С сентября 2004 г. в России действует Министерство регионального развития (официальный интернет-сайт: www.minregion.ru), которое в настоящее время возглавляет В. Ф. Басаргин — бывший заместитель полпреда президента в Уральском федеральном округе (его предшественник Д. Н. Козак пришел на министерский пост с должности полпреда в Южном округе). В последние годы объем полномочий и ресурсных возможностей министерства увеличился.

Если на заре индустриализации существенным фактором регионального развития выступало строительство железнодорожной сети, то ныне, с ростом значения энергоресурсов, первостепенную важность приобрела логистика их транзита. Как в городах несущей конструкцией являются градообразующие предприятия, так и в регионах многое определяет доминирующая отрасль, которая в современных условиях к тому же может контролироваться компанией-монополистом, что не остается без последствий для всей местной жизни, включая ее политическую составляющую.

В постсоветское время понятие региона получило особенно широкое распространение: частота употребления делает его одним из ключевых. Если раньше говорили «на местах», то сейчас с большей вероятностью скажут «в регионах». В октябре 2007 г. на базе Санкт-Петербургского государственного университета с размахом был проведен I Всероссийский съезд историков-регионоведов. Выражением растущего внимания к регионоведческой проблематике служит основание профильных изданий в странах постсоветского зарубежья, в частности на Украине и в Белоруссии¹.

Однако с ростом своей популярности понятие утрачивает терминологическую точность. Наиболее типичной аберрацией служит отождествление региона с субъектом РФ. За этим нередко стоит настойчивое стремление местных элит сформировать региональную идентичность в пределах контролируемой ими территории как средство мобилизации электората. Важной пространственной технологией является укрупнение субъектов Федерации, однако до сих пор результаты укрупнительных акций, которые свелись к поглощению ряда бывших советских национальных округов, по своим масштабам весьма далеки от создания административных образований, адекватных региональной матрице страны.

Востребованность исторической регионалистики во многом является следствием магистральных процессов современности. Региона-

листика рассматривается в диалектической связи с глобализацией: как защитная реакция на последнюю, восполняющая дефицит идентичности, и как необходимая ступень на пути к глобальному миру. Соотношение глобализации и регионализации выражает понятие локализации, созвучное программным установкам антиглобалистов, предлагающих свою модель глобального мира. Консолидация крупных регионов не должна механически трактоваться как противостояние глобализации или алармистски восприниматься как препятствие внутренней целостности той или иной страны. Исторический опыт России показывает, что Центр нуждается в «средостениях» и лозунг «Сильный Центр — сильные регионы» формулирует технологический императив управления большим государственным пространством-организмом. Гармонизация отношений между ними должна непременно отвечать интересам граждан и происходить в правовом поле.

Региональное измерение имеют такие глобальные проблемы, как демографическая, энергетическая, продовольственная, экологическая. Налицо вопиющие диспропорции в размещении населения и интенсивности экономической жизни, порождающие в одних случаях депопуляцию, а в других — избыток трудовых ресурсов и безработицу. Выраженную региональную адресность имеет приток мигрантов, порождающий целую цепочку проблем общегосударственного масштаба, решая которые приходится обращаться к мировому опыту.

В числе глобальных проблем современности с полным на то основанием рассматриваются региональные конфликты. Сегодня в них неизбежно втягиваются новые участники, а урегулирование немисливо без усилий со стороны международного сообщества, включая внерегиональных акторов. Наиболее острыми и масштабными региональными конфликтами считаются региональные войны, многочисленные прецеденты которых имели место и на постсоветском пространстве, где особой конфликтогенностью отличается Кавказ с характерными для него высокой плотностью этносов, экономической депрессивностью, перекрестьем интересов различных международных игроков. Универсальной причиной региональных конфликтов является конфликт идентичностей, что, разумеется, не освобождает от изучения факторов иной природы¹.

¹ Регионалистика. Сборник научных трудов. Гродно, 2006; Региональна історія України. Збірник наукових статей. Київ, 2007.

¹ Блищенко В. И., Солнцева М. М. Региональные конфликты и международное право (вторая половина XX — начало XXI века). ИД «Городец», 2005.

Не исключена и перспектива мирного, но при этом недружественного, поглощения одного региона другим. На российском Дальнем Востоке сохраняется (если не крепнет) почва для бытования традиционных представлений об островной оторванности региона от Большой земли, связь с которой, как показывает совсем свежий опыт, осуществляется с помощью танкеров, завозящих топливный мазут. От своевременности таких поставок в самом прямом смысле зависит жизнь населения обширных территорий. Ситуация усугубляется огромным перепадом плотности населения российско-Дальнего Востока и пограничных с ним территорий Китая, соседством экономических лидеров Азиатско-Тихоокеанского региона.

После распада СССР общим местом стало противопоставление интеграции Европы и дезинтеграции постсоветского пространства. При этом как минимум преувеличивается монолитность Европейского союза: стирая межгосударственные границы, его проект явно обнажил региональные «шрамы истории». Европа предстала континентом историко-культурных регионов, что нашло отражение в принятой Европарламентом Хартии регионализма (1988) и соответствующих представительных органах ЕС. Собственно, и границы между членами союза целенаправленно стирают при помощи регионального инструмента, конструируя так называемые еврорегионы.

С другой стороны, интеграционные процессы протекают и на постсоветском пространстве, о чем, в частности, свидетельствует деятельность ЕврАзЭС и ОДКБ, а также создание Таможенного союза¹. Сходная с еврорегионами технология трансграничного сотрудничества используется и в ареале СНГ, причем резервы в данной области исключительно велики, учитывая самую большую в мире протяженность российских границ. Как дезинтеграционные, так и интеграционные процессы неизбежно ведут к тому или иному типу фрагментации постсоветского пространства, т. е. к созданию новых регионов.

Региональный рельеф постсоветского пространства еще не обрел черт стабильности, его «переформатирование» не завершено. Это, образно выражаясь, тектонически активная зона, что не в последнюю очередь связано с возросшей ролью внерегиональных акторов, поощряющих те или иные геополитические и цивилизационные ориентации элит постсоветских государств. Новые геополитические реалии не только породили калининградский эксклав, окружен-

¹ Пивовар Е. И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. СПб., 2008.

ной странами ЕС/НАТО, но и сделали приграничным традиционным Центральным регионом России. Фундаментальные последствия этой метаморфозы будут выявляться по мере дальнейшей эволюции российско-украинских и российско-белорусских отношений.

Конструированием регионов озабочены не только локальные элиты. Примером международного регионального проекта может служить Восточно-Центральная Европа. Приверженцы этого конструкта с несомненной политической подоплекой стремятся развить восточнославянский цивилизационный массив, отказав России в принадлежности к Европе. Хотя исторически макрорегион принадлежал к Речи Посполитой и Габсбургской монархии, к Восточно-Центральной Европе целиком причисляется внутренне разнородная современная Украина. Понятие Восточно-Центральной Европы достаточно широко используется в настоящее время российскими авторами, но всей видимости, не имеющими ясного представления о его историографических и политических истоках и коннотациях. Симптоматично и частое употребление термина в редакции «Центрально-Восточная Европа» (сравните: *East Central Europe* в английской и *Europa Srodkowo-Wschodnia* в польской версиях). Между тем речь идет вовсе не о центральной части Восточной Европы, а о восточной части Центральной Европы, что звучит гораздо более привлекательно с позиций современной географии престижа. Характерно, однако, что с 1993 г. проводятся саммиты стран *Центральной и Восточной Европы*.

Позитивный имидж Восточной Европы еще предстоит создать, и это в значительной мере сопряжено с европейским выбором России. В исторической ретроспективе Восточная Европа видится как макрорегион, где надолго утвердились континентальные империи, преобладало славянское население со свойственным ему чувством этнокультурной взаимности, был произведен имевший значение для всего человечества социалистический эксперимент. Восточная Европа — контактная зона, где постоянно происходила активная конвергенция европейских и азиатских начал. Сегодня привлекательность регионов превратилась в существенный фактор их развития. Отсюда растущее значение стратегии позиционирования региона, влияющей на привлечение инвестиций вообще и, в частности, в туристическо-рекреационный сектор, на сохранение и наращивание трудовых ресурсов.

При большом числе теоретико-методологических проблем, решения которых требует современное регионоведение, оно, вне всякого сомнения, носит практико-ориентированный характер. Важнейшие

предпосылки эффективности региональной политики – ее адресность и наукоемкость.

Рассмотрение исторических и современных проблем в их региональном измерении – весьма продуктивная образовательная технология. Практика преподавания в рамках магистерских программ РГГУ по направлению «История» («История коммуникаций на советском и постсоветском пространстве», «Восточноевропейские исследования») убеждает в огромном дидактическом потенциале регионоведения. Помимо всего прочего, это апелляция к индивидуальному опыту, региональной идентичности учащихся, представляющих различные части России и даже разные страны. На регионоведческую проблематику целесообразно ориентировать пишущих квалификационные сочинения, причем не только историков.

Глава 4. Формирование экспертного знания современного россиеведения

Важнейшей составляющей современного россиеведения является экспертное знание, поскольку нарушены общие традиции и действия, вступают новые законы, свидетельствующие о разрыве прежних устоявшихся отношений. Гамлетовское «распалась связь времен», проецируемое на разные типы социальных, экономических, культурных, исторических контекстов, достаточно точно диагностирует универсальность экспертной ситуации в целом и ситуации, связанной с современным россиеведением, в частности. Экспертная деятельность создает особое пространство, в котором действуют определенные стандарты поведения, регламентирующие действия всех участников, вовлеченных в экспертные процессы. В данном случае для нас не столько важно рассмотрение одноуровневого, линейного распределения ролей (заказчик – эксперт), сколько сложного, многоуровневого, когда в сферу традиционного экспертного взаимодействия включаются разные действующие лица и трансляторы, например, средства массовой информации, или аудитория, не входящая в непосредственную сферу потребления результатов экспертной работы.

Предпосылками возникновения экспертного россиеведческого знания, с одной стороны, является пересечение повседневных эпизодов, встроенных в контекст обыденности, и нестандартных коллизий, а с другой – практические запросы, предлагаемые обыденным течением жизни, создают условия для применения экспертного метода. Необходимость обращения к экспертам вызвана тем, что прослеживается непредсказуемость поведения существующей системы в будущем по отношению к настоящему времени; отсутствуют или недостаточны необходимые способы проверки на практике тех или иных гипотез, и, наконец, поскольку недостаточно существующих знаний и представлений для эффективных практических действий, прежде всего управленческих. Мы вынуждены прибегать